

К вопросу о датировке Часобитной башни Ростовского кремля

Восновном Ростовский кремль сооружен в период с 1664 по 1690 год при митрополите Ионе; строительные работы велись и его преемником Иоасафом в последнее десятилетие XVII века. К деятельности Иоасафа традиционно относят, в частности, сооружение Часобитной башни¹. Это было трехъярусное, под шатровой кровлей здание, увенчанное флюгером в виде оленя — ростовского герба. Во втором ярусе находились часы с боем. Башня во многом определяла художественное решение ансамбля кремля, являясь его основной вертикалью. От этого сооружения до нашего времени дошел один только нижний ярус, так как восточный торец жилого корпуса XVIII века, на котором была поставлена Часобитная башня, дал осадку. Несмотря на то, что в XVIII веке башню укрепили контрфорсами, осадка продолжалась, и в первой четверти прошлого века ее верхние ярусы были разобраны².

Часобитная башня зафиксирована в ряде источников. Один из них — икона XVIII века, хранящаяся в ГИМе (ОАР), прорись которой воспроизведена В. Баниго³. Второй источник — кивот Троицкого собора Ростовского Варницкого монастыря (к сожалению, не сохранившийся до нашего времени, как и самый храм), фрагмент которого помещен в книге Б. Эдинга «Ростов-Великий — Углич»⁴. Оба источника дают совпадающее в деталях изображение западного фасада кремля, в левой стороне которого четко видно трехъярусное здание Часобитной башни с циферблатом часов во втором ярусе. На чертежах архитектора П. Панькова (1818 г., разрез кремля в северную сторону)⁵ хорошо виден усиленный контрфорсами сохранившийся нижний ярус.

Месторасположение Часобитной башни отмечают чертежи П. Панькова (1818) и А. Гусева (1793)⁶, существует и хранящийся в Ростовском архитектурно-художественном музее-заповеднике проект ее реставрации (арх. 462). Все названные источники свидетельствуют о том, что башня не разбиралась до основания и не переносилась со своего первоначального места. Если бы башня предназначалась к сносу, ее в свое время не укрепляли бы контрфорсами.

Исследователи единодушно относят сооружение башни к концу XVII века⁷. В. Н. Иванов датирует окончание ее строительства 1698 годом⁸, так как перечень работ по башне, выполненных мастерами Иоасафа, включает изготовление циферблата и вытачивание «векошей» (блоков) к часам, устройство на башне шатра и опаивание его «белым железом» и пр.⁹. Между тем еще в январе 1691 года «по преставлению преосвященного Ионы, митрополита Ростовского и Ярославского», была составлена «Опись митрополичьего дома церковей и церковной утвари в Ростове»¹⁰, содержащая следующую запись: «Против митрополичьих хором по правую сторону Святых ворот на часозвоне часы боевые».

Иона умер 20 декабря 1690 года. Иоасаф заступил его место 5 июля 1691 года и оставался на митрополии до 1702 года. Проведенные мастерами Иоасафа работы, упомянутые выше, могли иметь ремонтно-восстановительный характер. «Приходно-расходные книги домовых казны митрополита Иоасафа Ростовского» содержат примечательное свидетельство за 1697 год: «...Васья Ковов с товарищами... в Ростовском домовом дворе в Часобойне лестницы перебирал»¹¹. Перебирал, то есть заменял обветшавшие части, вел ремонт, восстанавливал. Очевидно, что к тому времени здание уже существовало достаточно долго, чтобы требовался его ремонт. Наличие уже при Ионе действующих «часов боевых» (с боем) — еще одно свидетельство того, что Часобитная башня была сооружением, завершенным еще при жизни Ионы.

Может возникнуть вопрос:

не есть ли Часобитная башня и та «Часозвоня», которая упомянута в описи 1691 года, разные здания? Опись упоминает «Святые ворота» и «митрополичьи хоромы». С XVII века названия и функции зданий Ростовского кремля менялись. В жилых «митрополичьих хорамах», по описи 1691 года, находились ризница, «нижние» и «верхние» «казенные келейные палатки», крестовая палата, рядом с которой «...две келии, где живут митрополиты»¹². Как свидетельствует «Отчет комиссии по восстановлению древностей Ростовского кремля 1882—1915 гг.», в 1730 году в бывших «митрополичьих хорамах» помещались палаты «Судебная», «Подьяческая», «Крестовая», а в конце XVIII века архиепископ Самуил перестроил этот корпус «с надстройкой на него третьего этажа, почему и получил (он. — И. М.) с того времени наименование «Дома Самуилова»¹³. Свидетельство это важное — в кремле только одно здание трехэтажное — Самуилов корпус. Тот же документ утверждает, что в 1840 году еще существовали «сени», соединявшие Самуилов корпус с церковью Спаса на Сениах.

Опись 1691 года говорит о «митрополичьих покаях» следующее: «Церковь Спаса Нерукотворного образа у митрополичьих келий... Митрополичьи келии. Крестовая, перед ними сени... Промеж Спасской церкви и Крестовой и столовой площадь намощена чугунными досками»¹⁴. Речь идет об одной и той же группе зданий. Ясно, что жилые покои митрополитов могли быть только в нынешнем Самуиловом корпусе. Нижний этаж этого здания, перестроенного при Самуиле Миславском в конце XVIII века, сохранил на своих фасадах характерный для XVII века декор, сводчатые помещения, старые оконные проемы западного и частично северного фасадов, а также лестничные переходы в толще стен, ведущие в верхние этажи.

Какие ворота опись 1691 года называет Святými? Со стороны западной ограды во двор Успенского собора ведут устроенные в небольшой башенке в северо-западном углу ворота. Башенку дати-

руют и «последним десятилетием XVII века»¹⁵, и «серединой XVIII в.»¹⁶. «Летопись о ростовских архиереях» гласит: «Около соборной церкви ограда каменная и святые ворота», которые «в бытность свою» построил Иоасаф¹⁷. Тот же источник сообщает, что митрополит Арсений Мацевич «около соборной церкви вместо старой каменной ограды вновь каменную ограду и Святые ворота сделал в 1754 году»¹⁸. В любом случае эти Святые ворота появились после составления описи 1691 года, которая называет так другое сооружение.

Кроме вышеприведенного свидетельства описи о Святых воротах она сообщает о них следующее: «Церковь животорящего Христова Воскресения на святых воротах... у святых ворот у церкви Воскресения Христова две келии братские... На дворе от собора Святые ворота»¹⁹. К Успенскому собору обращен северный фасад надвратной церкви Воскресения, со стороны которого — «от собору» — здесь был устроен главный въезд во владычный двор²⁰. Ясно, что опись 1691 года имеет в виду именно эти Святые ворота.

Для того чтобы установить идентичность «Часовни» 1691 года и Часобитной башни, соотнесем здания Самуилова корпуса («митрополичьих покоев») и проезда в нижнем ярусе церкви Воскресения («Святых ворот») с приведенной выше записью: «Против митрополичьих хором по правую сторону Святых ворот на часозвоне часы боевые». Для того чтобы Святые ворота оказались против митрополичьих покоев, нужно встать лицом от Самуилова корпуса к церкви Воскресения. Тогда по правую сторону от Святых ворот увидим в восточном торце жилого корпуса XVII века обстроенный контрфорсами нижний ярус Часобитной башни. Следовательно, в описи 1691 года и в позднейших источниках речь идет об одном и том же здании, появление которого следует отнести не к самому концу XVII века, а ко времени строительной деятельности Ионы, с 1664 по 1690 год, когда сложился в основном облик Ростовского кремля, частью

которого с самого начала было здание Часобитной башни.

И. Морозов

¹ См.: Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской обл., вып. 1. Ярославль, 1958, с. 48.

² См.: Баниге В., Брюсова В., Гнедовский Б., Шапов Н. Ростов-Ярославский. Ярославль, 1957, с. 105.

³ См.: Материалы..., с. 48.

⁴ Эдинг Б. Ростов-Великий — Углич. М., 1914, с. 140.

⁵ См.: Материалы..., с. 36 и 38.

⁶ См.: Материалы..., с. 39.

⁷ См.: Материалы..., с. 30.

⁸ См.: Иванов В. Н. Ростов Великий. Углич. М., 1975, с. 91.

⁹ См.: Материалы..., с. 30—31.

¹⁰ Ростовский музей, Р-1083, с. 142.

¹¹ ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ед. хр. 10, с. 1.

¹² Ростовский музей, Р-1083, с. 50, 92, 110 об., 126, 141.

¹³ Ростовский музей, А-3, с. 12.

¹⁴ Р-1083, с. 30, 140, 142.

¹⁵ Баниге В. и др. Ростов-Ярославский, с. 42—43.

¹⁶ Иванов В. Н. Ростов Великий, Углич, с. 42—43.

¹⁷ См.: Титов А. Летопись о ростовских архиереях, вып. ХСIV. Спб., 1890, с. 15.

¹⁸ Титов А. Летопись..., с. 19.

¹⁹ Р-1083, с. 36, 142, 143.

²⁰ См.: Баниге В. и др. Ростов-Ярославский, с. 79.

ми — особый и не столь частый вид этой награды.

После розысков стало ясно, что на миниатюре изображен обер-офицер (в чине до капитана включительно) лейб-гвардии Измайловского полка в период между 1812 и 1817 годами³. В указателе полковых историй русской армии⁴ внимание привлекли две работы, содержащие списки награжденных офицеров полка за интересные нас годы; из них следует, что Анну 2-й степени с алмазами десять обер-офицеров полка получили за Бородино и трое — за Кульм. До августа 1814 года полк непрерывно воевал; между 1814 и 1817 годами новых награждений Анной с алмазами, судя по полковым историям, не было⁵. Из этих 13 человек сразу отпали четверо, так как они еще ранее получили знаки Владимира 4-й степени, не изобразить которые художник не мог⁶. Еще семеро получили Владимира 4-й или 3-й степени практически сразу же вслед за получением Анны с алмазами⁷; крайне маловероятно, чтобы кто-либо из офицеров постоянно занятого в боевых действиях полка мог в это время позировать художнику.

Оставались две кандидатуры: капитанов П. П. Мартынова и Н. Г. Сомова. Имя Сомова отсутствует в списках офицеров полка за 1805 и 1807 годы (награждения за Аустерлиц и Фридланд); похоже было, что он перешел в Измайловский полк из другой части незадолго до 1812 года. Обращение к соответствующему тому справочнику «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях»⁸ позволило найти в журнале «Военно-исторический сборник»⁹ публикацию походных записок Л. А. Симанского, служившего в 1812 году в Измайловском полку. Их обстоятельно прокомментировал издатель, внук брата Л. А. Симанского, известный военный историк П. Н. Симанский; комментарии эти, в частности, указывают, что Сомов был переведен в Измайловский полк из лейб-гвардии Конного полка 1 апреля 1811 года¹⁰. «История лейб-гвардии Конного полка» И. В. Анненкова, одна из лучших в историографическом отношении полковых

История одной миниатюры

История отечественных наград — предмет, сам по себе интереснейший для изучения; но не менее важны те возможности, которые она предоставляет для установления лиц, изображенных на старых портретах. Ко мне в руки попала миниатюра начала XIX века¹, портрет русского офицера, облик которого запечатлел черты того мечтательного романтизма, который был столь характерен для «дней Александровых прекрасного начала» (Пушкин)², для поколения героев 1812 года. Миниатюра, конечно, привлекательна своей типической анонимностью, несущей обобщенный образ эпохи; но не менее сильным было желание установить личность неизвестного офицера, на шее которого надет знак ордена Анны 2-й степени с алмазными украшениями

историй русской армии, содержит полный список офицеров-конногвардейцев за все годы; из списка следует, что Н. Г. Сомов еще в 1807 году получил 4-ю степень Владимира¹¹. Следовательно, его кандидатура тоже пала.

Остался только Павел Петрович Мартынов. В 1805 году, будучи в чине поручика, он получил (за Аустерлиц) орден Анны 3-й степени на шпагу, а за Кульм награжден золотым оружием. Анну с алмазами капитан Мартынов получил за Бородино, когда измайловцы, не сдвинувшись с места, отразили три жесточайшие атаки французской кавалерии («Измайловский и Литовский полки оказали достойную Русских храбрость. Необыкновенным своим мужеством они удерживали стремление неприятелей и поражали их повсюду штыками», — доносил Кутузову генерал Д. С. Дохтуров). В сражении был ранен командир полка Козлянинов, и полк принял командир 3-го батальона полковник Мусин-Пушкин, чье место занял Мартынов, пока сам не был контужен черепком гранаты. За проявленную при Бородине доблесть награды получили все офицеры полка, многие нижние чины; полк получил георгиевские знамена.

Из тех же полковых историй видно, что П. П. Мартынов позднее, с 30 ноября 1821 по 14 марта 1825 года, командовал Измайловским полком, будучи уже в чине генерал-майора. В записках, изданных П. Н. Симанским, упоминается отдельное издание писем Л. А. Симанского к матери и братьям, в нем приведены данные о службе Мартынова¹²; уроженец Оренбургской губернии, он поступил в Измайловский полк подпрапорщиком 6 октября 1798 года, 11 октября 1800 года получил чин прапорщика, 7 ноября 1811 — капитана, а 30 августа 1813 — полковника; из последнего следует, что миниатюра выполнена до того момента, как был получен приказ о производстве П. П. Мартынова в полковники (полковники были уже не обер-, а штаб-офицерами и имели бахрому на эполетах). В сражении при Кульме 17—18 августа 1813 года,

за которое Мартынов получил золотую шпагу «За храбрость», он был ранен в бок и, судя по позднейшей полковой истории, считался выбывшим из строя¹³. Миниатюра могла быть выполнена, следовательно, между августом 1812 и осенью 1813 года, причем нужно учесть, что приказы о награждении и производстве запаздывали: Л. А. Симанский пишет 22 декабря 1812 года о награждении за

Бородино как о недавнем событии¹⁴. Во всяком случае, никто более из вышеперечисленных офицеров из полка в это время не отлучался.

Генеалогические справочники¹⁵ позволили установить, что П. П. Мартынов происходил из рода пензенских Мартыновых, которому посвящена книга А. Н. Нарцова¹⁶, где в росписи рода Павел Петрович Мартынов числится под номером 123 (с. 87—91); родился он 17 августа 1782 года, а умер 14 февраля 1838 года (значит, на миниатюре ему 31 год), звание генерал-майора получил в 1820 году, с 14 марта 1825 года — командир 3-й гвардейской пехотной бригады (в ее составе Измайловский и Павловский полки и Лейб-гвардии Саперный батальон), с того же года получает почетное звание генерал-адъютанта, в 1831-м — генерал-лейтенант, позднее комендант Петропавловской крепости. Мартынов был дружен со своим родственником, известным писателем М. Н. Загоскиным. Нарцов приводит посвященную Мартынову сатирическую оду

«Ротный командир», сочиненную одним из офицеров полка. К 1831 году генерал-лейтенант Мартынов-1-й уже имел орден Владимира 2-й степени (получен за осаду Варны в 1828 году), Георгия 4-й степени (получен за выслугу лет в офицерском чине), ряд медалей и иностранных наград¹⁷. Похоронен он в Духовской церкви Александра-Невской лавры¹⁸.

По стечению обстоятельств до нас не дошло ни одного портрета П. П. Мартынова: в фундаментальной «Истории государевой свиты», для которой в свое время тщательнейшим образом разыскивались портреты генерал-адъютантов, его портрета нет¹⁹, как нет и в различного рода сводных указателях русских портретов, живописных и печатных. Публикуемая миниатюра сохранила облик Павла Петровича Мартынова таким, каким был он в славную пору Отечественной войны.

В. Нехотин

¹ Гуашь на кости; овал 58×45 мм, в левой верхней части небольшая трещина.

² «Послание цензору», 1822.

³ От 1 января 1812 года, когда введены прямые застегнутые воротники мундира, до введения 12 мая 1817 года красных нагрудных лацканов во всей тяжелой гвардейской пехоте. — Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, ч. 14. Спб., 1901, с. 6, 20, 23, табл. 1910.

⁴ См.: Lyons M. The Russian Imperial Army. A Bibliography of Regimental Histories. Stanford, 1968. Значительно полнее известного указателя А. Григоровича «Перечень историй и памяток войсковых частей» (Спб., 1913).

⁵ См.: Зноско-Боровский Н. А. История лейб-гвардии Измайловского полка. Спб., 1882; Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка. 1730—1850. Спб., 1850. В приложениях содержат списки награжденных офицеров за отдельные периоды.

⁶ Н. Е. Уков, И. П. Мусин-Пушкин-2-й, С. П. Мусин-Пушкин-3-й, Н. Ф. Воропанов.

⁷ И. Е. Чеснов, А. П. Поливанов, Ф. М. Масленицкий, Н. В. Арачев, Ф. В. Круглов, И. Н. Катенин, Н. И. Жуков (в 1813 году — за Люцен-Бауцен и Кульм).

⁸ См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях, т. 2, ч. 1, № 1480.

⁹ См.: ВИС, 1912, № 2—4; 1913, № 1—4; 1914, № 1—2. обстоятельный и весьма любопытный с бытовой точки зрения документ. В примечаниях — сведения об офицерах полка.

¹⁰ См.: ВИС, 1912, № 2, с. 137, примеч. 8.

¹¹ См.: т. IV, с. 172—173 (Спб., 1849).

¹² См.: Архив П. Н. Симанского, вып. 2. Спб., 1912, с. 94, примеч. 32.

¹³ См.: Зноско-Боровский Н. А. История лейб-гвардии Измайловского полка, с. 79.

¹⁴ См.: Архив П. Н. Симанского, с. 29.

¹⁵ См.: Савелов Л. М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. 2-е изд. Острогжск, 1897; Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание, т. 3 (раздел генеалогии). М., 1915.

¹⁶ См.: Материалы для истории тамбовского, пензенского и саратовского дворянства, т. 1 (материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слеповых с их ветвями). — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, вып. 47. Тамбов, 1904. Из этого же рода происходил убиивший Лермонтова на дуэли Николай Соломонович Мартынов.

¹⁷ См.: Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей российской армии... Спб., 1831.

¹⁸ См.: (С а и т о в В. И.) Петербургский некрополь. Спб., 1913.

¹⁹ См.: Кн. 3 2-го т. сер. «Столетие Военного Министерства». Спб., 1908, с. 248.

своим ботаническим садом, коллекция которого стала основой старого Ботанического сада в Москве. Сохранился в парке Горенки и большой каменный грот.

После смерти Разумовского усадьба запустела, часть оранжереи и, вероятно, скульптура были вывезены Н. Б. Юсуповым в Архангельское, а во дворце купец Велков устроил ситценабивную фабрику. Производственное использование Горенки продолжалось до 1910 года, когда при новом хозяине Севрюгове усадьба реконструируется по проекту архитектора Чернышева, пристраивается колоннада и боковые павильоны.

Сейчас здесь ведутся реставрационные работы. Санаторий, который расположен во дворце, в скором времени получит свое, специально для него строящееся здание. Судьба Горенки беспокоит и реставраторов, и горсовет Балашихи. Самое лучшее в такой ситуации — музей. Но какой?

Хорошо бы открыть здесь музей искусства XVIII века. Вездь и Архангельское, и Кусково, и Останкино едва успевают принять всех желающих. XVIII век долгое время стоял как-то на втором плане: есть у нас Музей древнерусского искусства имени А. Рублева, есть Третьяковская галерея, скоро будет открыт музей современного искусства — Государственная картинная галерея. В Третьяковке в ее теперешнем виде есть, правда, все: и древнее, и современное, но это, как говорится, от нужды — главное лицо Третьяковки — это, конечно, XIX век, передвижники. Между тем к искусству XVIII века интерес в последнее время вырос необычайно.

Тут я хочу вспомнить телефильм «Необходимая случайность»: группа специалистов обсуждает проблемы, связанные с выставкой портретов XVIII века в новом Доме художника на Крымской набережной. Меня поразила одна фраза: сотрудник Исторического музея Валерия Яковлевна Рафаенко спокойно, со знанием дела сообщает, что только в фондах этого музея хранится около 300 000 единиц художественных ценностей, не имеющих прямого отношения к профилю музея. И зритель их,

вероятно, никогда не увидит по той простой причине, что их негде показывать!

Какие же открытия могут ждать нас в этих фондах! И не в далеком Солигаличе, не в Московской области, а в центре Москвы, в Историческом музее. Выходит, что одни энтузиасты собирают, разыскивают художественные ценности, а потом вынуждены прятать их, а другие, архитекторы — реставраторы, «собирают камни» и потом не знают, что с ними делать. Почему бы не сделать еще один шаг: немного энтузиазма и фантазии, и Подмосковье могло бы располагать прекраснейшим музеем XVIII века в Горенках.

Геннадий Мызников

Письмо в редакцию

Усадьба Горенки

Усадьба Горенки, что стоит в подмосковном городе Балашиха, на старой Владимирской дороге, одна из самых больших в Подмосковье, с богатым историческим прошлым, но до сих пор как-то была обойдена вниманием. В первой четверти XVIII века Горенки принадлежали князьям Долгоруковым, в 1747 году пожалованы А. Г. Разумовскому, в роду которого находились до 1822 года. Волею судьбы черниговский пастух Алексей Разум стал сначала певчим придворной церкви, а потом — супругом императрицы Елизаветы. Брат его, Кирилл Разумовский, получив прекрасное образование за границей, стал президентом Академии художеств, позднее — украинским гетманом. Сын Кирилла Андрей, известный дипломат, был страстным любителем музыки, в Вене познакомился с Моцартом и Гайдном, ему посвятил три своих квартета Бетховен, использовав в них мотивы русских и украинских народных песен.

В 1777 году А. К. Разумовский приступил к строительству в Горенках дворцово-паркового ансамбля по проекту известного архитектора Менеласа. Перед стоящим в глубине участка дворцом был разбит партер с многочисленными мраморными статуями, в парке когда-то помещался зверинец, от которого сохранились пруд с остатками рва и вала; усадьба славилась

В память о героях революции

Этот музей в Новосибирске создан по инициативе общественности. Его экспонаты рассказывают о становлении Советской власти в Сибири.

Привлекает внимание макет дома Я. Н. Овчугова — одного из организаторов Обской группы РСДРП. Макет сделан учащимися ГПТУ-10 города Новосибирска. Тут находится и макет дома революционерки Е. Б. Ковальчук. В ее доме в 1918—1919 гг. находилась явочная квартира новониколаевских подпольщиков. Этот дом сохранился.

Сейчас дом реставрируется, в нем разместится филиал областного краеведческого музея, который будет называться «Явочная квартира новониколаевских большевиков в 1918—1919 годах».

Т. Рылеева